

Наталья Лазутина

*Взмахом
одного крыла*

Современный женский роман

Наталья Дмитриевна Лазутина

Взмахом одного крыла

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18325060

ISBN 9785447471217

Аннотация

Абсолютно разочарованная в отношениях женщина, бросив всё, уезжает в глухую деревню. Неожиданно спасённый ею мужчина меняет её жизнь. Но справится ли она со своими страхами? И станет ли счастливой?

Взмахом одного крыла Современный женский роман Наталья Дмитриевна Лазутина

© Наталья Дмитриевна Лазутина, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Багряный закат охватил весь горизонт, облака серо-фиолетовыми лентами медленно плыли по верхушкам деревьев. Стоял удушливо-жаркий июльский вечер. Где-то далеко в русской глубинке, в самой глуши, находилась маленькая деревенька. Покосившиеся деревянные домики стояли вдоль песчаной улицы. Некоторые из них были настолько дряхлые, что, казалось, вот-вот рухнут прямо на глазах. Скрипя прогнившими досками и старыми крышами, они будто вздыхали от неизбежной участи кануть в небытие. Именно здесь, в этом вымирающем островке, всё это и произошло.

Ладно, три леца и десяток плотвы – тоже нормально! – рассудила Катерина. Ноги уже затекли сидеть целый день, да и стемнеет скоро, надо собираться домой. Катя начала потихоньку сматывать удочки, скидывая их в одну кучу на бе-

регу. Схватив ляжку рюкзака, она вдруг вспомнила про рыбу в садке. Надо же, опять чуть не забыла! А то будет, как в прошлый раз: оставила на ночь, а там выдра и садок прогрызла, и рыбу всю выпустила! – подумала про себя Катя. Кинув рюкзак в сторону, женщина нагнулась, закатала штаны до колена и поплелась вниз. Вода была очень тёплой, как парное молоко, ногам было очень приятно погрузиться в эту огромную ванну. Нагнувшись уже было за садком, Катерина мельком посмотрела в сторону. Каково же было её удивление, что на тихой глади реки, будто из ниоткуда, вдалеке показалась лодка. Катя выпрямилась и с любопытством стала наблюдать за ней. Лодка была новая – это было видно по свежей краске на бортах. Вёсла болтались в воде, и она выглядела совершенно пустой, но вдруг с другого бока показалась торчавшая человеческая рука. Катерину будто током пронзило. Резко выкинув садок на берег, она опрометью побежала по песку к лодке Тимофея Ильича. Хорошо, что дед показал ей в своё время, как развязать хитрый узел на верёвке. Катя закинула вёсла в маленькое судно и оттолкнулась от берега. Запрыгивая на ходу и, вставляя вёсла в отверстия, Катерина начала лихорадочно вспоминать, чему учил её дед Тимофей в таких случаях. И, естественно, ничего, абсолютно ничего не шло на ум. Крутилась лишь одна единственная мысль: надо успеть, надо успеть, иначе лодку унесёт вниз по течению, и тогда никто её никогда не найдёт, а если и найдёт, то наверно уже будет слишком поздно. С этими мысля-

ми Катя что есть силы налегла на вёсла и подплыла к краю новенькой лодки. Схватив верёвку, она привязала её сзади, как бы взяв на буксир, и, только оттолкнувшись, она поняла: опущенные в воду из другой лодки вёсла будут стопорить ход. Катерина повернулась назад и аккуратно, как кошка, притянув к себе другую лодку, переползла в неё и вытащила злополучные вёсла из воды. Сумерки сгущались – надо было как можно быстрее выбираться отсюда. Пока Катерина карабкалась по чужой лодке, услышала еле заметный стон, вернее даже не стон, а скулёж. Она посмотрела туда, откуда исходил звук, и увидела маленькую собачку. Катя схватила её, засунула за пазуху и переползла на свою лодку. Ну всё, надо быстро-быстро убираться отсюда. Из последних сил Катя выгребла почти на берег. Вытащив собачку, она аккуратно положила её на сиденье, а сама спрыгнула в воду и начала тащить лодку на песок. Вытащила одну, отвязала, вытащила другую. Как же теперь быть? Вот вопрос, я же не вытащу этого человека одна. В этот момент собачка спрыгнула на песок, подбежала к Кате и стала лизать ей руки. Ой!..

– Ты мой хороший, пошли звать на помощь! – обратилась Катерина к пёсику и, взяв его под мышку, пошла к деревне.

Катя подошла к дому и тихонько постучала в окно.

– Кого там черти носят по ночам?

– Открой, тётъ Шур, это я, Катя!

Створки окна со скрипом отворились, в окно выглянула женщина. На вид ей было около семидесяти лет, белокурые

волосы, затянутые в пучок на затылке, голубые, как небо, глаза, лицо миловидное, хоть и в морщинках.

Похоже, что в молодости эта женщина была просто красавицей.

– Что случилось? Кто помер, что ли?

– Никто не помер. Помощь нужна, долго объяснять! Возьми фонарик и плащ-палатку, я у калитки буду ждать.

Катя стояла там, где и обещала, когда к ней подошла тётя Шура.

– Ты чего мне тут приказы отдаешь? Я тебе не девочка! – с обидой в голосе обратилась тётка.

– Прости, тётенька Шурочка, просто времени нет, там человека надо спасать!

– Ну тогда давай, пошли быстро, что стоишь-то?

Женщины повернулись и быстрыми шагами направились к реке. В темноте трудно было бы найти дорогу, но они её столько раз проходили днём, что могли и с закрытыми глазами пройти. Лишь к спуску, к самой реке, росли высокие кустарники, и тут уж без фонарика не обойтись. Катя включила свет и предостерегла тётю Шуру:

– Ты ступай за мной, тётя Шур, я светить буду, а ты держись за меня, пока кусты обойдём!

– Да иду я, иду, командир ты хренов!

Больше всего тётю Шуру интерес донимал, кто там, что там? Тем более в данный момент она находилась в самом центре событий, чего не было уже тысячу лет. Да и какие тут

могут быть события, в заброшенной деревне, в глуши, где остались только две бабки и один дед, и тот не больно разговорчивый. А тут целая история! Жизнь прямо вернулась в это захолустье. Так они думали каждый о своём и потихоньку приближались к лодкам. Оставалось шагов пять, как вдруг собачка выскочила из рук Кати и с радостным лаём помчалась вперёд. Женщины подошли ближе к лодке, в которой лежал человек, осветили фонариком его лицо и тело, увечий не было, за исключением резаной раны на одной руке.

– Давай я расстелю плащ на песке, а потом мы его вытащим и положим сверху! Ты как думаешь, Катя? Иначе мы его не дотащим, он же без сознания и тяжёлый, наверно, как кабан!

– Ну что за сравнение, тётя Шур? Хотя ты права – здоровый мужик!

Женщины еле-еле вытащили мужчину, по очереди вынимая ноги, потом взяли под руки и потащили на песок. Перекатали его на палатку, связали концы узлами с двух сторон, чтоб было легче схватиться, и потащили его в сторону деревни. Собачка бежала следом, поскуливая и норовя запрыгнуть на хозяина. Руки резали узлы, ноги то и дело утопали в песке, бедная тётя Шура, задыхаясь и чуть не плача, взмолилась:

– Господи, хоть бы до травы дотащить, по траве-то легче пойдёт – вечерняя роса упала, скользнуть хоть чуть будет!

Кать, дай передохну – не могу больше!

– Ладно, тётъ Шур, давай передохнём, трава – это хорошо, но я босиком – это плохо, буксовать буду!

Женщины, запыхавшись, сели на землю и начали громко смеяться:

– Ты трактор, что ли? Буксовать? В тебе весу, как в ба-
рашке, да и вообще ты, как пацан, вечно со своими удочка-
ми бегаешь! Тебя откормить надо, чтоб ты трактором была!
Ой, не могу!

Тётка так и заливалась смехом. Потом затихла и продол-
жила:

– Ты не обижайся, жалко тебя, ты вроде баба зрелая, а вид
у тебя – оторви и выброси!

– Ну и ладно, какая есть! – огрызнулась Катя.

Катерина действительно в свой сорок один выглядела,
как пацан-сорванец. На голове кепка, под ней русые воло-
сы, затянутые резинкой, старая футболка защитного цвета,
такие же штаны, закатанные до колен. Худощавого телосло-
жения, со светло-серыми глазами и мелкими канапушками
на лице.

– А куда мы его: к тебе или ко мне потащим? – спросила
тётя Шура.

– К тебе, конечно, к тебе ближе всего!

– Не, я с ним не хочу нянчиться, да ещё и с собачкой этой,
ты его поймала – ты и забирай!

– Он же не вещь, что ты так, тётъ Шур?

Катя посмотрела на женщину и поняла, что спорить не надо. Лицо старушки было изможденным от усталости.

– Ладно, давай последний рубеж, и за пригорком отдохнем.

Когда они добрались до дома, было уже за полночь. Втащив мужчину в комнату, оставили его лежать на полу. Катя сняла с него обувь и стала внимательно осматривать его руку. Тётка принесла воду и тряпки, чтоб стереть грязь с его лица и рану промыть. Порез был неглубокий. Катерина обтерла ему лицо, руки, нашла мазь от порезов, затянула пластырем рану и забинтовала.

– Он вообще живой? А то сколько мы его тащили, хоть бы мявкнул?

Старушка встала на колени и прислонилась ухом к груди мужчины. Потом подняла голову и прошептала:

– Вроде дышит.

– Да куда он денется? – уставшая и не менее измученная ответила Катя.

– Давай его на кровать как-то закинем что ли? Что ж он как тряпка тут будет валяться на полу?

– Закинем, – ответила старушка: – только давай чаю попьем, и вообще передохнуть надо, сил у меня уже нет.

– Давай! – кивнула Катерина, поднимаясь с пола. Уже на ходу Катя добавила: – Слушай, тётъ Шур, а про собачку-то мы совсем забыли с тобой.

– Ничего не забыли, вон она на половике лежит, что-то

трусит её.

Катя быстро поставила чайник и вернулась в комнату. В углу у самого стола на полу лежала, свернувшись калачиком, собачка, видно, что не дворняга, но масти такой Катя ещё не видела. Чёрная с опалинами мордочка, ушки торчком, ножки стройные, как у породистой лошади. Но приглядевшись, Катя заметила, что она похожа на добермана, только очень маленького роста. Катя подошла к ней, взяла на руки и увидела, что на шее у пёсика сидит клёщ. Катя с отвращением вырвала его из шерсти собаки и выкинула в форточку.

– Так, дружок, тебя надо помыть и накормить!

Пока тётка пила чай, Катя искупала собачку, всю её ещё раз внимательно осмотрела, посушила полотенцем и налила ей покусать. Собака с жадностью стала уплетать еду. Насытившись, она подошла к хозяину, легла возле него и стала засыпать.

– Не, дорогая, иди на половичок, мы сейчас твоего друга на кровать перетащим!

Старушка встала со скамейки и направилась к мужчине. Вдвоём они подтащили мужика к кровати и аккуратно перекинули его на матрас.

– Вот так, дружок, спи на здоровье! А я пойду домой. Кать, мне пора, поздно уже, ты тут сама разберешься. Самое главное, ему уже ничего не угрожает, остальное – дело Богово. Жить так жить, нет так нет.

Катерина уже сама чуть ли не ползком ползала от усталости.

– Ладно, тётъ Шура, спасибо тебе, я без тебя ни за что бы не справилась, пойдём, я тебя провожу!

Женщины вышли из дома. Вернувшись, Катя только сейчас вспомнила про снасти, рыбу, рюкзак, и вообще вспомнила, что у неё замёрзли босые ноги и что она давно ничего ни ела.

– Ладно, сейчас всё сделаем! – проговорила Катя вслух свои планы.

Но как только она чуть перекусила и переоделась потеплее, сон начал морить её. Так она и уснула на диване, одетая и с собачкой сбоку.

Утром Катя проснулась от того, что кто-то лизал ей лицо. Фу, как отвратительно и щекотно! Катя открыла глаза и увидела, что лижет её вчерашняя гостья. А рядом за столом сидит мужчина и смотрит на эту картину.

– Вы чай будете? – каким-то мягким и в тоже время чистым голосом спросил он.

Катя вытаращила глаза, молча встала и пошла умываться. Мужчина осматривал комнату, с виду она была не очень большой, печка-голландка стояла посередине. С одной стороны, возле стены, стояла кровать, на противоположной стороне – небольшой старый диван. Дверь выходила в прихожую, заменяющую кухню. Около окошек, выходящих на улицу, прямо посередине стоял небольшой стол.

Старое жилище, – подумал Максим: – и почему-то очень знакомое.

На улице была красота, солнце ещё не пекло, свежий утренний воздух быстро приводил в чувства. Катя умылась, сходила в огород за листьями мяты и смородины и вернулась в дом. Мужчина так и сидел за столом. И держал на руках собачку.

– Простите, но я у вас заварку не нашел, и заварил чай с травами с вашего огорода.

Катя, зажав в кулачке листики, удивлённо посмотрела на него.

– А у меня нет заварки, я с травами пью, так что всё в порядке. А как вашего пёсика звать?

– Это девочка, её зовут Хани.

– Странное имя.

– Ничего странного. Немецкое имя, означает – медовая.

– Мёд любите, что ли?

– Нет. Просто имя понравилось моей жене, вот она и назвала её так.

– Так пёсик, значит, её? А с тобой что мотается?

– Вообще-то мы с вами на «ты» не переходили.

– А я вообще-то не люблю, когда в моём доме командуют, – резко ответила Катя.

– Ладно, как скажете, только не надо хамить.

Максим отметил про себя, что ему очень не понравилась эта драная кошка.

Так бы и продолжалась их перепалка, если бы Катя не увидела в окно, что по двору идут две её подружки-старушки – так их она ласково называла. Ещё с порога Катя услышала голос тёти Шуры:

– Катюша, дочка, мы к тебе, проведать идём, ты дома?

Катя выскочила в прихожую.

– Конечно, дома! Куда же я денусь?!

– Ну, мало ли? Может, на утреннюю помчалась, ты ж неугомонная какая!

Женщины разулись, зашли в дом, в руках корзинки.

– Мы тут поесть принесли и проведать заодно. Как твой гость-то?

– Нормально. Жив, здоров и чаю хочет.

Старушки аккуратно вытащили из корзинок тарелки и поставили на стол, присели на диванчик и стали смотреть на мужика. На вид ему было сорок с небольшим лет. Очень привлекательный, темноволосый, с карими глазами, статный. Сидел, сложив руки на столе.

По комнате стал разноситься вкусный аромат еды. Тарелки были аккуратно накрыты полотенчиками с вышивкой. Катя подошла к столу, сняла полотенца и аппетитно вздохнула. На тарелках лежала отварная домашняя курочка, кусочек копчёного сала, пара отварных яиц, ещё дымящаяся картошечка и два свежих огурчика. Катя посмотрела на мужчину – у того аж шея вытянулась. Катя усмехнулась и подвинула тарелки к нему поближе.

– Ну что, угощайтесь на здоровье! Вы, наверно, сильно проголодались?

Катерина нарочно слово «вы» с ехидством так подчеркнула, что мужчину аж передёрнуло. Видя происходящие, тётя Шура немедленно вмешалась. Благо она прекрасно знала Катю, а также она знала, какой злой и ехидной та может быть.

– Ты, сынок, не обижайся, она из-за своих снастей злится. Вчера бросила всё на берегу, чтобы тебя притащить, а сейчас нервничает, они ведь для неё дороже бриллиантов.

– А я и не просил никого меня таскать, так что это не мои проблемы! – резко ответил незнакомец.

Тут уж и баба Маша голос подала. К слову сказать, баба Маша была очень набожной старушкой. Сухенькая, маленькая, с черными как ночь и очень вкрадчивыми глазами. Она будто в душу заглядывала, когда говорила. Знала она все церковные праздники, малые и большие, молитвы разные. Когда помоложе была, ездила с паломниками по святым местам. Её один раз даже в монастырь звали, но она не пошла туда жить, сказала, что Господу везде молиться можно: и в лесу, и в горах, и в монастырях, поскольку он везде пребывает с людьми – это люди от него отворачиваются. В общем, она как духовный наставник в деревне осталась.

Вот тут она и спрашивает:

– А как вас зовут?

– Максим Алексеевич.

– Вы кушайте, Максим Алексеевич, мы – народ деревен-

ский, все по-свойски общаемся, вот и Катя, наверно, с вами как со своим начала разговаривать, а вы, видать, большой человек и к этому не приучены!

– Я просто не могу с незнакомыми мне людьми разговаривать на «ты». Я действительно не приучен. И считаю это невоспитанностью.

– Всё так, милый, всё так, – протянула баба Маша.

– Как рука-то ваша?

– Нормально.

– А вы что, специально хотели из жизни уйти, раз не рады, что вас спасли?

Мужчина резко отвернулся и уставился в окно, точно там что-то происходило. И все сразу поняли: этот вопрос для него неприятен, отвечать он не будет. В неловкой тишине вдруг раздался очень звонкий лай Хани.

– Катерина! – послышалось за дверью: – Катя!

Дверь открылась, на пороге стоял дед Тимофей.

– Ты что, оглохла? Я тебе сколько раз говорил: не брать лодку без разрешения?! Ты глупая, что ли?!

Хани не унималась, даже пыталась укунить деда за сапог. Такой шум-гам мог устроить только дед Тимоха.

Катя подбежала, взяла на руки собачку и предложила деду выйти на улицу, чтобы объяснить всё по делу. Как только они вышли, Катя увидела около порога свои драгоценные снасти и любимый рюкзак. Она повернулась к деду, обняла его одной рукой и поцеловала в щёку:

– Спасибо, дедулька ты мой, как же ты сам допёр всё это?!

– Ты скажи, другая лодка чья? И что это за перец у тебя в хате?

– У-у, дед Тимофей, это важный перец, только на «вы» и шепотом! Садись, давай покурим, я тебе всё расскажу!

Катя выпустила собаку из рук и, только они присели, на порог вышел Максим.

– Вы не ругайте её, пожалуйста, это она из-за меня лодку вашу взяла.

– Я уж понял! – не глядя, ответил дед Тимоха. – Присяжись, расскажешь, что с тобой случилось и откуда ты взялся в наших забытых Богом хуторах.

Катя подумала, что он опять ерепениться сейчас начнёт, что с ним на «ты» обращаются, но, к её удивлению, Максим подсел к ним.

– А ты иди, дочка, в дом, к подружкам своим! –скомандовал дед, посмотрев на Катю.

Смекнув, что мужик при ней мало что поведает, Катя решила уйти, дед всё равно потом ей всё расскажет, если надо будет, они с ним были очень в крепкой дружбе. Катя вошла в дом, а старушки уже собирались уходить.

– А вы что, уже уходите?

– Да пойдём по дворам, чего нам тут сидеть?

Баба Маша посмотрела на Катю.

– Ты, дочка, не разговаривай с ним грубо. Может, у человека беда сильная, ему помочь надо, господь его не просто

к тебе направил. Да и ты сама помнишь, в каком состоянии к нам попала? Я не в укор говорю, просто чисто по-человечески, все мы друг в друге нуждаемся, когда беда приходит. Я ему сказала, пусть живёт здесь, сколько понадобится, а ты к нам перейдешь на время, к Шуру вон или ко мне.

– Баб Маш, как же так? Я привыкла уже здесь!

– Ну можешь и здесь оставаться, только ночевать ты тут не будешь, не надо искушать мужика! Лукавый всё подстроит, чтобы вас в грех вогнать, а потом жалеть будешь и себя проклинать за слабость. Ты молодая ещё, глупая!

– У него вообще-то жена есть! – Катя обиженным тоном продолжила: – Да и нужен он мне, как петуху зубы! Жаль, что вы мне не доверяете!

– Мы тебя любим, и не дадим причинить тебе вред.

Катя сразу поняла, что решение это было исключительно бабы Маши. Всё, что она говорила, всегда сбывалось. Тётка Шура лишь поддакивала о правильности поступка.

Ладно, – подумала Катя, – во всяком случае, надо жить и вести себя так, будто ничего не произошло.

Когда старушки ушли, Катя быстро убрала со стола, помыла посуду. Повязав платок на голову, быстро засобиравшись в огород, надо было собрать огурцы и помидоры на засолку. Выйдя из дома, она обнаружила, что ни деда, ни Максима нет. Вот и к лучшему! Надо вообще меньше с ним сталкиваться, – подумала Катя. Набрав целую кадушку огурцов, и помидоров, Катя была счастлива. Залила всё это холодной

водой. Пока овощи вымачивались, полезла в погреб за банками. В погребе было всегда сыро и темно, повсюду висела паутина и ползали слизни. Кате не нравилось туда спускаться, это напоминало ей детство: как она, будучи маленькой девочкой, спускалась почти в такой же подвал за банкой компота, и дверь в подвал была очень тяжёлая. Маленькими ручками доставала трёхлитровую банку с компотом по лестнице наверх, надрывая живот. А потом еще надо было поднять и закрыть эту проклятую тяжеленную дверь.

Вот и в этот раз Катя хотела быстро забрать банки и подняться наверх, как вдруг она поскользнулась и упала прямо на каменные ступеньки. Ударившись головой о кирпичную стену, она с трудом пришла в себя. Катя почувствовала сильную боль в правой ноге, и какую-то горячую жидкость, стекающую вниз. Тут же до неё дошло, что она разбитой банкой порезала ногу. Стащив платок с головы, она перетянула вену на ноге выше пореза и стала потихоньку ползти к выходу. Уже находясь посередине проёма, Катерина ощутила подкашивающую к горлу тошноту и потеряла сознание. Очнувшись она уже в кровати, и опять ей кто-то лизал лицо.

– Хани, не надо, уйди! – жалобно пролепетала Катя.

– Хани! – резкий голос Максима окончательно привёл её в чувства.

Катя открыла глаза и увидела деда и Максима, стоящих около неё.

– На, выпей! – скомандовал дед, держа стакан в руке.

– А что это? – Катя с отвращением посмотрела на стакан.

– Пей, говорю! Наркоза нету, сейчас Максим тебя защищать будет.

– Не надо меня шить, я боли боюсь! – взмолилась Катя.

– Значит, пропадешь ни за понюх табака, дура!

Максим стоял рядом, выражение его лица было спокойным и даже где-то безразличным. Это её взбесило больше всего.

– Да ты что, дед? Издеваешься? Ты доверяешь ему мою жизнь? Этому напыщенному козлу, который даже не знает слово «спасибо»? Дед понял, что сейчас будет буря, и лучше с ней помягче поговорить.

– Катя, дочка, – начал дед: – Максим – врач, военный хирург, он тебя подштопает – и все дела, у тебя нога уже поси-нела! Да скажи ты ей сам, Максим!

– Ладно, Катерина, не упрямитесь, времени действительно в обрез, вы худенькая, и крови у вас мало, вы сильно поранились, можете погибнуть.

– Ну ладно, фашисты, уговорили! Принеси тогда что-нибудь закусить зубами, иначе я действительно сдохну, у меня низкий болевой порог.

Дед подал стакан, потом второй, и дал какую-то палку. Катерина выпила два гранёных стакана самогона, и палка даже не понадобилась. Она и так была уже наполовину в отключке.

Сильная боль пронзила её. Она держалась, как могла, что-

бы не орать. Но всё-таки не выдержала. Дед подбадривал, как мог, повторял:

– Кричи, дочка, кричи!

Только один Максим был собран и сосредоточен. Не обращая никакого внимания на вопли, он занимался своим делом. Катя так и вырубилась, охрипшая от крика и одурманенная алкоголем, и только к вечеру она пришла в себя. Голова болела так сильно, что казалось, она вот-вот взорвётся и разлетится на мелкие осколки, во рту было сухо и саднило горло. Катя осипшим голосом обратилась в пустоту:

– Тут есть кто-нибудь?

Сзади у изголовья послышался голос Максима.

– Я здесь, дать вам воды? – Максим подошёл к кровати.

– Да, и если можно, найдите у меня на подоконнике лекарства, там есть анальгин, дайте, пожалуйста, иначе я сойду с ума от этой боли.

Максим включил свет, порывлся в пакете и достал нужное ей лекарство.

– Самое страшное позади, а голова болит от стресса и алкоголя. Ничего серьёзного с вами уже не случится, сердце у вас крепкое, так что ничего страшного!

Катя запила таблетку водой и закрыла глаза. Видно, опять была права баба Маша насчёт того, что Господь просто так людей не посылает. До ближайшего посёлка двадцать с небольшим километров, да и то там только старый фельдшер Константин Палыч, который от старости уже сам себя

не помнит, какой там людей лечить! С этими раздумьями Катя потихоньку погрузилась в сон.

Утром ни свет, ни заря кто-то постучал в окно. Собака с диким лаем кинулась на подоконник.

– Хани, на место! Кто там?

Максим подошел к окошку.

– Это я, Максим Алексеевич! Шура! Отворите двери, я сейчас зайду.

Максим накинул рубашку, натянул штаны и пошёл в прихожую встречать раннего гостя. Катя проснулась от звенящего лая Хани и стала прислушиваться к шубуршанию и голосам в коридоре.

Ханька затихла, открылись двери, и вошла тётя Шура, следом за ней шёл Максим. Старушка с порога начала причитать:

– Ой! Девонька моя, да как же так-то?! А мы с Машей вчера сидим на лавочке вечером, тебя ждём, как договаривались, а тут дед подошёл и рассказал, что с тобой приключилось! Мы вчера хотели прийти к тебе, но дед разубедил, сказал, что ты без сознания лежишь, да и под присмотром врача.

Тут причитания резко сменились нравоучениями:

– Я тебе сколько раз говорила: не спеши! Ты же, как заведённая, всё быстрее, скорей, вот и добежалась! Как ты теперь ходить-то будешь?

Катя молча смотрела на тётю Шуру и с уголков её глаз

по щекам капельками стекали слёзы. Спорить и доказывать что-то не было сил, всё тело её было в ссадинах и ушибах.

Тётя Шура притихла, а потом чуть ли ни шепотом, вытирая слёзы Кате, сказала:

– Не плачь, дочка, и прости меня. Просто привыкли мы к тебе, я потеряла своих деток, и ты теперь как родная стала, страшно мне, вот и ругаюсь.

Тут Максим решил разрядить обстановку:

– Вы не переживайте, у неё нет переломов, так что ходить она будет, и рыбу ловить, и ещё много чего, у неё порез глубокий был и вену слегка задело, но сухожилия в порядке, так что всё в норме. Единственное, что сейчас бы ей не помешало, это подкрепиться.

– Ой, батюшки! – тётя Шура подскочила, как ужаленная. – Я и забыла совсем, я же корзинку в прихожей оставила!

Старушка опрометью двинулась к двери, через минуту она уже стояла около стола, вынимая съестное из корзинки.

– Я утром хлеба напекла, вот и пришла пораньше, думала, пока горячий, надо отнести. А ещё кролика вчера потушила с луком, как ты любишь, Кать, и картошечку пожарила. Садитесь и вы, Максим Алексеевич, позавтракайте!

Тётя Шура взяла скамейку, поставила около кровати, отложила на тарелочку еды и подала Кате. Сама села рядом, чтобы поухаживать за больной.

Максим взял кусок хлеба и начал с отменным аппетитом кушать принесённую еду.

– Очень вам признателен, Александра Степановна, такой пищи как у вас, я уже много лет не ел. Настолько она вкусная, сытная, но, самое главное, натуральная. У меня такое ощущение, будто я в детство попал, моя бабушка так же готовила!

Тётя Шура залилась румянцем, как девочка, от таких комплиментов.

Катя поднялась повыше на подушки, взяла с тарелки кусочек хлеба и начала потихоньку кушать.

Проглотив пару кусочков кролика, Катя обратилась к старушке:

– Тётъ Шур, поставь, пожалуйста, чайник! В горле всё саднит, а кролик – просто прелесть, и когда ты всё успеваешь, я удивляюсь?!

Позавтракав, все сидели с кружками в руках и пили ароматный чай с мёдом. Катину ногу положили на подушку поверх одеяла, чему она была безмерно рада, так как нога за ночь затекла, и шов на ней больно стягивал кожу.

– А как ваша рука, Максим Алексеевич? – вдруг спросила тётя Шура.

– Нормально, спасибо. Катерина перевязала правильно и вовремя. Грязь могла попасть, тогда бы заживала долго.

– Ну да, теперь у нас тут лазарет для раненых! – усмехнулась Катя.

Церемонию «светской беседы» и чаепития неожиданно прервал стук в дверь. Не успела Катя спросить, кто там, как

дверь открылась и на пороге стоял дед. Лицо его было очень хмурым, а в глазах читалась тревога.

– Что с тобой, Тимофей? – первой спросила тётя Шура.

Дед снял шапку. Руки его тряслись, он стоял молча, точно истукан. Все напряглись в ожидании ответа.

Тётя Шура подсочила к нему и стала громко кричать:

– Да что ты, дед?! Что ты стоишь, как глухонемой? Язык отсох, что ли?

– Там это, – начал запинаться дед: – там Маша!

Не успел он договорить, как тётя Шура и Максим вылетели на улицу. Дед так и стоял с шапкой в руках и поникшей головой. Этот суховатый, седой старичок с морщинами на лице, повидавший жизнь, в тот момент был похож на беззащитного ребёнка. Катя всё поняла и начала громко плакать. Самое обидное, что она не могла так же, как все остальные, быстро пойти к бабушке Маше.

Дед повернулся, набрал стакан воды и поднёс Кате:

– Успокойся, дочка, все мы туда уйдём, рано или поздно, не важно, когда. Господь никого тут не оставит.

Он сел на скамейку и начал смотреть по сторонам, как будто проверяя, нет ли кого-нибудь ещё в доме. Удостоверившись, что они вдвоём, дед начал разговор:

– Я тут подумал, тайна у меня есть, я никому не хотел её открывать, люди нынче, как собаки, злые и ненавистные. Глотки друг другу готовы вырвать из-за ерунды. А в могилу с собой я эту тайну тоже не хочу брать, грех на мне.

Катя, всхлипывая, внимательно смотрела на деда, лишь изредка вытирая слёзы.

– Я как Машу нашёл, так и понял это. Поэтому решил всё тебе рассказать.

– А почему именно мне?

Катя, всхлипывая, недоверчиво посмотрела на деда.

– Потому что ты похожа на мою Наташеньку, – дед опустил голову.

Катя вдруг вспомнила рассказ тёти Шуры про деда и его семью.

Да, трагедия страшная. Поговаривали даже, что дед умом после того тронулся. Были у него заходы, но все относились к этому с сочувствием и пониманием. Вот и сейчас Катя подумала, что деда накрыло. Катерина не подала виду, что страх сковал её. Но понимая всю ситуацию, решила взять себя в руки, и как ни в чём не бывало, спросила деда:

– Ты, дед Тимофей, уверен в своём решении всё мне доверить? А вдруг я не оправдаю твоих ожиданий?

– Я абсолютно уверен в тебе, хотя ты, наверно, думала, как и все остальные, что я умом двинулся, но я тебя три года изучал и испытывал.

У Кати от такого откровения глаза округлились, и она уже спокойно стала слушать рассказ деда.

– Помнишь, в июне мы с тобой плавали на старую заимку?

– Помню. И что?

Так вот там на месте упавшего дуба зарыт клад. А недале-

ко от него я похоронил человека. Только просьбу его не выполнил, поэтому хочу, чтобы ты это дело завершила!

Катерина опустила глаза и задумалась.

– А если я откажусь?

– Не откажешься! – звучало как заявление. – Я давно за тобой наблюдаю. И за это время хорошо тебя изучил. Ты очень честная, справедливая и ответственная. И когда ты узнаешь обстоятельства, при которых умер тот человек, наверняка мне откажешь!

Сначала Катерина смутилась от таких признаний, но последние слова деда её насторожили.

– Слушай, дед, давай всё по порядку, а то ты ходишь во-круг да около.

– Так ты сама меня перебиваешь своими сомнениями.

В этот момент послышались шаги за дверью. Максим резко открыл дверь и вошёл в комнату. Катя с дедом переглянулись: дескать, потом переговорим и оба посмотрели на Максима. Тот молча подошёл к окну и начал рыться в Катинном пакете с лекарствами.

– Что вы ищете? Может, я подскажу? – спросила Катерина.

– Мне нужно какое-нибудь седативное средство для Александры Степановны, у вас есть валерьянка, пустырник, что-то успокоительное?

– Есть валокордин. Но в таких случаях лучше водки выпить и поплакать.

– Я предлагал ей, но она наотрез отказалась.

– А где вы её вообще оставили?

– В доме у Марии Ильиничны.

Катя посмотрела на деда и стала давать указания:

– Дедуль, сходи, пожалуйста, в сарай, там под притолокой воткнуты два старых костыля, они от прошлых жильцов остались, посмотри, если годны, тащи сюда. Вы, Максим, извините, без отчества, – Катя посмотрела ему прямо в глаза: – помогите мне собраться и привести себя в порядок.

Максим оторопел от такого «командира», но спорить не стал. Притащил таз с водой, поставил на скамейку, тут же взял полотенце и повесил его рядом на дужку кровати. Катя умылась, причесалась и продолжила тем же тоном, обращаясь к Максиму:

– Откройте шкаф, там на средней полке лежат синие с полоской штаны, а наверху футболки. Выберите на свой вкус и дайте мне! Я сейчас попробую сесть, а вы мне поможете переодеться!

– А вас не смущает, что я – мужчина. И тем более вам незнакомый?

– Слушай, хирург, ты, наверно, очень правильный? Только вот я из другого теста! Мне чихать, мужик ты или баба, там один человек помер, а у другого от горя крыша может поехать, они тут с детства вместе жили. А ты мне здесь какую-то мандулу зачёсываешь!

Максим достал всё, что просила Катя, и начал помогать

ей одеваться. Лишь заметил, что жаргон у Кати, как у зэчки.

– Вы всегда так общаетесь?

– Если только выводят дурацкими манерами, когда не до церемоний!

– Жаргон блатной вас тоже не украшает...

– Да как ты вообще стал военным с такими понятиями?

Потом в какой-то момент Катя поняла, что этот разговор не имеет смысла, учитывая, что Максим – просто зануда и ей некогда с ним спорить. Вот придурок, – подумала она про себя, но вслух ничего не сказала.

– Ты знаешь, Кать, я – взрослый мужик и прекрасно всё понимаю, просто мне не хотелось ставить тебя в неловкое положение. И как ты сказала, мне тоже с одной стороны начихать в данной ситуации, я много чего повидал, тем более, как ты правильно заметила, я врач.

– Да-а-а... Быстро же ты «переобуваешься»! – протянула Катерина.

Тут на пороге появился дед, в руках он держал старые костыли.

– Давай примерим, дочка, я один отремонтировал чуток, они, кажись, тут с войны лежали, дряхлые совсем!

Максим взял её за руку, помог подняться с кровати. Дед стоял с костылями, помогая ей на них опереться. Катя осторожно сделала шаг вперёд, раненая нога свисала как плеть, Катя боялась на неё наступить. Максим, убедившись, что всё нормально, обратился к деду:

– Ну вы тут сами без меня разберётесь, я побегу к старушкам, ещё очень много дел!

Максим прихватил лекарство и быстро вышел за дверь. Катя с дедом потихоньку с передышкой доковыляли до дома бабы Маши. Пока шли, условились про дедову тайну не разговаривать пока, потому как не до этого сейчас. Это деда от стресса нахлобучило, вот и решил сразу всё выдать, будто тоже помирать собрался. А пока шли, думали, где могилку копать надо, но самая большая тревога была за тётю Шуру. Ясное дело, мёртвым уже всё равно, а вот живым очень помощь нужна, особенно в такие минуты.

Тётя Шура сидела, как застывшая скала, уставившись в одну точку, казалось, она смотрит в пустоту, так как зарёванные красные глаза абсолютно ничего не выражали. Не поворачивая головы, она обратилась к Кате:

– Она тебе дом свой завещала, будешь тут жить?

Катя, хромя на костылях, подошла к женщине, обняла её и заплакала. Тётя Шура, выйдя из ступора, обняла Катерину и тоже разрыдалась в голос, причитая о том, как они ходили, любили, жили, и вот теперь она осталась одна. Вдоволь нареветшись, решили, что надо собраться с силами и проводить бабу Машу как положено. Деда отправили за гробом и священником в соседнее село, сами развели костер за домом, набрали ключевой воды, поставили греть.

Катерина сидела на скамейке, присматривала за костром, тётя Шура искала чистые одежды для погребения. Мария

Ильинична померла внезапно, тихо и мирно уснула и больше не проснулась. Просто сердце остановилось во сне. Всем бы так помирать, – подумал дед, когда утром принёс ей свежей рыбы. Старушка, как игрушечная, лежала на своей кровати, скрестив руки на груди, лицо её было безмятежным. Подле неё на скамейке стояла икона Казанской Божьей матери, тут же горела свечка. Максим готовил лавку для омовения усопшей. Через два с половиной часа подъехал дед на своей истрёпанной «Ниве», следом за ним появилась «Газель». Батюшка сам на газели привёз гроб и крест, а также прихватил с собой двух прихожанок. Женщины в чёрных платках и юбках до пола, перекрестившись, вошли в дом. Начали помогать готовить еду для поминок – батюшка и об этом позаботился, с собой они привезли продукты. Бабу Машу отнесли в баню, обмыли, одели, положили в гроб. Затем Максим, батюшка и дед вынесли гроб на улицу и поставили на лавку. Тётя Шура в хлопотах немного отошла от горя. К вечеру Марию Ильиничну похоронили. Сначала сидели, поминали у неё дома, потом батюшка и прихожанки уехали, и Катя позвала всех к себе. Очень уж она устала, хотелось полежать, нога нещадно ныла. На том и порешили. Дед нёс костыли, Максим нёс Катерину, тётя Шура с корзинкой и Хани семенили сзади. В эту ночь никому не хотелось оставаться один на один с самим собой. Все они не хотели думать о том, что сегодня произошло. Мёртвое – мёртвым, живое – живым.

Войдя в дом, Максим аккуратно положил Катерину

на кровать и направился ставить чайник. Дед вдруг позвал его:

– Шура забыла кроликов своих покормить, возьми фонарик, там на полке у Кати, пусть вдвоём пока посидят, пошли, покормим.

Мужики собрались и вышли на улицу. Тётя Шура, печально сидя на диване, не проронила ни слова.

– Теть Шур, давай чаю попьём. И ещё у меня к тебе дело есть.

– Какое дело? – встрепелась старушка.

– Помнишь, ты мне как-то рассказывала про деда и его жизнь, ну, мол, кто он, откуда, про семью его.

– И что?

– А ты не можешь мне опять рассказать? Только поподробней.

Женщина удивлённо подняла брови:

– Тебе это зачем?

– Да вот, хочу книгу про вас написать, вернее про вашу жизнь. Вот уйдёте один за одним все трое, и памяти не останется, а так люди читать будут, вас поминать.

– Уже двое, – поправила тётя Шура. И задумалась: а ведь и правда, с родственниками они связи не поддерживали, те как уехали двадцать лет назад – ни слуху ни духу. Своих детей она ещё в молодости похоронила. Саше пятнадцать годков было, а Вите – семнадцать, на мотоцикле разбились, у отца сердце не выдержало, тоже через год накрылся, так и оста-

лась одна. Спасибо, Маша не дала руки на себя наложить: всё кричала, что грех это великий, и Господь никому не по силам испытаний не пошлёт, и что надо всё принять и смириться. Да, смириться и молиться.

А ей больше ничего и не оставалось кроме молитв.

– Чего у него сама не спросишь? Он же столько времени с тобой проводит, на рыбалку ходите, вы прямо не разлей вода. Вот и расспросила бы его!

– Не хочу его раны теревить, ты же знаешь, что он с заходами, не дай Бог, что случится.

– Вообще-то да, я и не подумала об этом.

В комнате повисла тишина. Лай собачки и топот ног в прихожей известили, что мужики уже вернулись назад.

Первой с радостным лаем вбежала Хани, следом за ней по очереди вошли мужчины.

– Ночью, видать, дождь будет, ветер поднялся, – снимая кепку, сказал дед. – Кролей накормили, Шура, курей я закрыл, так что всё нормально.

– Ну и слава Богу! – отозвалась старушка. – Садись, Тимофей, давай чайку попьём. Я сегодня здесь с Катей заночую, а вы с Максимом к тебе, наверно, пойдёте ночевать. Ты как, Максим Алексеевич? Согласен? Тётя Шура посмотрела на Максима.

– Да, конечно, как скажете. Я тут поинтересоваться хотел? – Максим посмотрел на стариков. – А вы помните, кто тут раньше жил?

– Где именно? – спросил дед.

– Ну в этом доме, или хате. Я не знаю, как правильно.

– Как же, не помним? – подхватила тётя Шура. – Всё мы помним: бабка Нюра здесь жила с дедом Николаем. Оба фронтовики, она в партизанах была, он – танкистом. Дети их в город уехали жить, сын, правда, потом вернулся. Никудышный был, пил часто, семью потерял из за пьянки. Так зимой и замёрз насмерть. А дочка хорошей была. Дед когда помер, она часто приезжала. Нюру всё уговаривала к ней переехать. Но та наотрез отказывалась. Внука привозили часто на лето, смышленный пацан был. Максимом звали.

Тут тётя Шура глаза вытаращила на Максима:

– А как твою мамку зовут, сынок?

– Звали, – с грустью в голосе ответил Максим: – звали Зинаида Николаевна Захарова. Мне десять лет было, они с отцом в Крым отдыхать поехали, да там и утонули. Меня с собой не взяли, чисто случайно, у меня ангина была. Потом двоюродный брат отца забрал меня к себе. Я долго искал эту деревню, память детская сильная, часто вспоминал этот дом. Тогда он мне казался огромным, и бабушку с дедушкой я хорошо помню.

– А как ты в лодке оказался без сознания? – внезапно спросила Катя.

– Да так и оказался! Поехал я на рыбалку с Хани. Оставил машину у знакомых, сам лодку спустил на воду, думал, порыбачу немного, да домой поеду. А тут с другого берега кто-

то кричать начал, я подплыл поближе. Вижу: драка идёт. Хотел помочь, да не успел. Только я на берег вышел, как меня кто-то сзади по голове огрел. А очнулся я уже у тебя, Катя.

– Это же надо, какие уроды! – возмутилась тётя Шура. – Ну, слава Богу, всё обошлось. А Катюша бедная тебя еле вытасила, откуда у неё только силы взялись!

Взяв паузу, старушка продолжила:

– Слушай-ка, так тебя, наверно, люди ищут: жена, дети, милиция, в конце концов.

– Да никто меня не ищет, – Максим опустил голову.

– Ну, конечно! – протянула Катерина. – Через два дня сам убедишься: или менты, или егерь, кто-нибудь да примчится! Просто это единственная деревня, где река выемку сделала, обычно все сюда и заплывают, кто заблудится или, того хуже, браконьеры. А ещё из-за того, что люди здесь ещё живут. И если искать надо, то только здесь. А вообще меня не это беспокоит. Ты же теперь наследник как никак, и меня выго- нишь, наверно. Тем более, я тебя козлом называла.

Все трое во главе с Максимом уставились на Катю.

– Ну вообще-то козла можно списать на болевой шок, а насчёт дома, то пока живи, а там видно будет!

– А чего ты беспокоишься? – спросила старушка. – Тебе чего, домов мало? Маша тебе свой оставила, а хочешь, ко мне переходи и живи, чего ты взъелась на мужика-то?

– Я здесь привыкла за три года жить. Огород вон как обра- ботала, одних дров вон сколько заготовила. А ты говоришь!

– Вы не ссорьтесь! Утро вечера мудренее, – дед встал с дивана, надел свою кепку. – Пошли, Максим, уже заря скоро, надо поспать хоть чуть.

Тётя Шура их проводила, закрыла дверь на засов. Расстелила себе на диване постель, потушила свет и легла.

– Тётъ Шур! – шепотом позвала Катя? – Ты спишь?

– Уснёшь тут с вами, да с такими историями! – отозвалась старушка.

– У меня такое ощущение, что парень-то наш темнит! Что-то тут не так, уж больно всё просто. Забрал пёсика, один поехал на рыбалку, если удар был по голове, да ещё и без сознания человек столько времени был, значит, сотрясение как минимум. Он бы утром такой здоровый не бегал, а лежал бы, мучился. И ещё он военный, а значит и рукопашную борьбу должен знать.

– Да спи ты, Шерлок Холмс хренов! Достала уже, тебе какое дело? Ты много про себя рассказывала, когда сюда приехала? Ходила, как будто тебя из могилы вытащили. Я уже давно поняла: место тут какое-то гиблое. Или все помирают, или едут сюда помирать. Прямо тянет сюда суицидников, прости Господи! – старуха осенила себя крестным знаменем. – А чего тянет? Говорили, дед на заимке кого-то убил. Вот после и началось: у деда жена беременная на последнем месяце заживо сгорела, у меня дети разбились, у Максима родители утонули. Это помимо людей, которых в округе находят иногда мёртвыми. Чёрт знает что вообще. Не деревня, а ка-

кое-то кладбище сплошное. А дед хитрый, с заимки переехал и молчок, козёл старый, всё из-за него.

– Ладно, ладно, тётъ Шур, не шуми, ты что так разошлась? Хрен бы с ними, мы-то живы! Не нервничай, всё будет хорошо!

– Живы, живы. Спи давай!

Утро было пасмурным, как дед и предсказал. Свинцовые тучи, то собираясь в кучу, то выстраиваясь в один ряд, словно солдаты, кружили по небу. В доме тоже было темновато.

– Просыпайся, соня! – тётя Шура сидела за столом и смотрела в окно. – Где там мужики-то? Покормить их надо, а потом своими делами заниматься. А то уже обед почти, а у меня хозяйство не кормлено!

– Они не маленькие, сами о себе позаботятся! Найдут, что поесть!

Тут открылась дверь, и вошёл дед.

– День добрый! Мы это, с Максимом в город поедем, вам что-нибудь надо?

– И вам не хворать! Вы что, обалдели? Сейчас ливень будет, а вы за сто километров собрались! И вообще, что за надобность такая неотложная? – спросила тётя Шура.

– Да не знаю, Максиму приспичило, встал ни свет ни заря, машину мою подремонтировал, сказал, срочно в город надо. Я же его одного не отправлю, он дорог не знает.

– Ладно, тогда селёдки мне купи и макарон. Приедете – деньги потом отдам.

– А тебе чего, Катя? – дед повернулся к женщине.

– А мне петушка на палочке! – засмеялась Катя. – Шучу, конечно. Купи мне сигарет, а то последняя пачка осталась, чаю, макарон и сахара.

– Когда ты уже курить бросишь?! Не надоело тебе дым глотать? – старушка смотрела с укором на Катю.

– Нет, не надоело! Что поделатъ – люблю курить.

– Заголить бы тебе задницу, да отодрать хворостиной, как сидорову козу, да боюсь, уже не поможет.

– Конечно, не поможет, это осознанный выбор, а не детская блажь.

– Ишь ты, какая умная стала! Старушка с укоризной в глазах посмотрела на Катерину.

Дед не стал дальше слушать, взял у Кати сумку и вышел из дома.

Женщины затихли. В комнате наступила тишина, только слышалось тиканье старых часов и постукивание капелек дождя о стекло. Где-то послышались раскаты грома.

– Ну вот, на тебе! Досиделась, старая дура! Катя, где дождевик твой? Дай-ка я накину, может, успею, пока мелкий, до дома добежать.

– Там, в прихожей висит! – уже вдогонку ответила Катя.

Как же она ненавидела такие дни: пасмурно, сыро, на улицу не выйдешь, заняться особо нечем, приходилось искать себе увлечение. А тут с этой ногой вообще беда! Да и урожай мой, скорее всего, пропадёт, – подумала Катя, – как я теперь

засолки делать буду? А потом вдруг вспомнила своего сына. Да он, наверно, меня ненавидит теперь, и правильно – за что меня любить-то? Кому нужна такая мать, которая сбежала и бросила его? Это как предательство. Катя опять накрутила себя и расплакалась, уткнувшись в подушку. Потом мал по малу стала успокаиваться. И вспоминать разговор с дедом. Во всяком случае, за эти три дня столько событий произошло, что не так-то просто было во всём этом разобраться. Во-первых, что-то скрывает Максим, во-вторых, дед, всегда скрытный, неболтливый, вдруг ни с того ни с сего сильно изменился, почему-то стал общаться, да и вообще тайну клада решил поведать. Ну и дела? Вот уж сроду не подумала, что этот замкнутый и осторожный человек выберет именно меня своим наследником такого дела! Ну, воля его.

Ещё много чего крутилось в её голове, пока она просто не уснула.

Проснулась Катя уже за полночь от того, что страшно зудела нога, а точнее шов. Это хорошо, значит, заживает, – подумала Катя, почёсывая между ниток. В комнате было очень темно. Да, надо бы добраться до выключателя. В туалет хочется, курить хочется, в общем, много чего хочется, а света нет. Катя потихоньку приподнялась на подушке, аккуратно откинула одеяло, вытащила одну ногу, спустила вниз, затем другую – раненую. Уперлась руками в матрац и приподнялась. Резко схватившись за спинку кровати, Катя выпрямилась. Подогнув больную ногу, она допрыгала до выключате-

ля. Ну вот, теперь всё будет хорошо. В туалет по-маленькому можно было сходить и на ведро, в таких случаях оно всегда стояло в прихожей, днём, естественно, его полоскали и сушили на улице, на ночь заносили обратно. Особенно оно было важно для семей, где было много ребятишек или старый больной человек, а также лютой зимой, когда на улице можно было запросто застудиться. Вот так, по-простому, жили в деревнях.

Катерина, сделав свои дела, потихоньку поставила чай на плиту. И только она допрыгала до стола, как в окошко тихо постучали. Катя присела на скамейку около окна и громко спросила:

– Кто?

– Это мы, Кать!

Катерина узнала голос деда:

– Ну, заходите, дверь открыта. Через минуту Хани уже влетала в комнату, Максим с дедом стояли на пороге с пакетами, сумками, довольные и счастливые.

– Вы что, банк ограбили? – спросила женщина. – Мужчины выставили пакеты на стол и присели на диван.

– Какой там банк, Кать? Это всё Максим! – дед посмотрел на него и продолжил. – Решил вас побаловать. Да мы только что приехали, хотели завтра к тебе зайти, а тут смотрим – свет горит, что ж до завтра тянуть? А ты чайник поставила, я смотрю, вот молодец! Как раз вовремя, мы проголодались, как собаки.

Дед щебетал, щебетал, ещё больше удивляя Катю, так как мысли её накануне подтверждались с каждым дедовым словом.

– Ты сиди, дед Тимофей! Я сам на стол накрою.

Максим начал доставать из пакетов продукты и складывать в холодильник, спрашивая при этом, кто что будет и что оставлять, а что убирать.

Катя сидела и смотрела на всё происходящее с невозмутимым видом, стряхивая пепел с сигаретки.

– А тёте Шуре привезли, что она просила?

– Конечно, привезли, завтра отнесём, правда, дед?

Максим нарезал ветчины, хлеба, по-быстрому пожарил яичницу, открыл банку шпрот и, приглашая деда за стол, сам сел на табуретку.

– А что в том пакете? – показывая пальцем на чёрный полиэтилен, спросила Катя.

– Лекарства. Тебе, кстати, надо перевязку сделать. Как нога-то? – Максим, прожёвывая кусок хлеба, пытался поддерживать разговор.

– Нормально, только чешется, зараза! И нитками когда зацепляюсь за покрывало, больно очень.

– Ну, ничего, через дня три по одному начну снимать.

– Я смотрю, ты тут адаптировался совсем: то важный такой, как павлин, был, а сейчас уже по-человечески общаешься.

– У меня работа такая, с многими людьми приходится об-

щаться, они – пациенты, я – врач. Я – вылечил, они – ушли. Это нам ещё в академии объяснили, что доктор должен быть хладнокровным и объективным, быть культурным в общении и внимательным к больным, не взирая на статус и положение в обществе.

– Ну мы же здесь не твои пациенты. Вернее, не все.

– Просто привык к субординации.

– Тогда всё логично, извини, что хамила. Я с врачами раньше в таких ситуациях не общалась.

– Я тоже раньше в таких ситуациях женщин не зашивал.

И тут они вспомнили, как Катя их фашистами называла и как орала благим матом, вспоминали и смеялись.

– Да, вот она жизнь какая, никогда не знаешь, каким боком к тебе повернётся и кого пришлёт в твой мир, – философски заметил задумавшийся дед.

– Как бы там ни было, а всё же хорошо, что я тебя выловила, иначе кто бы мне так профессионально швы наложил.

– Я в принципе тоже немного рад, что сюда к вам попал, я здесь себя как-то по-другому чувствую, как-то спокойней что ли?

– А зачем ты в город мотался?

– Хотел другу позвонить, сказать, чтоб машину мою перегнал сюда.

– И всё? А жена, дети?

– Ну что ты к нему прицепилась? – не выдержал дед. Глаза его расширились, чуть ли не криком начал кричать: –

Нету у него жены! И детей нету! Ушла она, к другому ушла, и убийцу наняла, чтоб от Максима избавиться, и денежки с квартиркой его себе присвоить.

Максим сидел тихо, как мышь, не проронив ни слова.

Катерина молча закурила сигарету. Выдохнув табачный дым, тихо произнесла вслух:

– Да... Весёлая у нас компания, ничего не скажешь. В принципе, я чего-то такого ожидала, конечно, потому что басня про драку и удар по башке, извините, не складывалась. Я хоть и не врач, но не глупая.

– И что ты теперь делать надумал? – Катерина, прищурившись, посмотрела на Максима.

– Не знаю. Во всяком случае, на данный момент пусть она думает, что я умер. Всё равно только через полгода можно вступить в права наследника. А за полгода что-нибудь придумаю.

– А что думать? У тебя есть доказательства, что на твою жизнь покушались? Есть. Иди в прокуратуру, пиши заявление, пусть они твою алчную жёнушку потрепят. Перья ей, так сказать, пощиплют! – дед вставил в разговор своё мнение.

– То-то и оно, что нет у меня доказательств. Уплыли они вместе с телефоном.

– В таком случае ты должен нам, как на духу, всё рассказать, иными словами, довериться, тогда, возможно, мы сможем тебе помочь. Меня и деда никто в твоём окружении не знает, и это очень большой плюс. Если ты, конечно, сам

пожелаешь.

– Да я как-то сам привык свои проблемы решать, я мужчина, в конце концов, а не маленькая девочка. Да и жена моя, как оказалось, глупая, а ещё больше жадная. Я ей квартиру отдал. Вместе наживали как никак, так ей мало показалось, решила и машину, и дом себе прихватить.

– Ладно, мужики, утро вечера мудренее. Меня сон уже морит! – Катя, зевая, посмотрела на часы: – Ого! Давайте, до завтра.

* * *

Утро было превосходным, даже ни верилось, что накануне шёл дождь. Из окошек прямо на пол падали большие лучи солнечного света. Катя проснулась, настроение было превосходным. Недолго нежась в постели, она быстренько откинула одеяло, опустила ноги с кровати, взяла костыль, стоявший рядом у спинки, и напрямик направилась к выходу. На улице было ещё лучше, птицы заливались чириканьем и щебетанием. Со стороны казалось, что у них идёт соревнование, кто дольше и громче переговорит другого. От капелек воды зелёная трава переливалась перламутровым цветом. В лесу пела свою песню кукушка. Как же всё-таки хорошо жить, – подумала Катерина. Какую красоту создал Господь.

Она присела на пороге, чтобы послушать птиц и подышать чистым утренним воздухом.

Прикрыв глаза от солнечного света, без единой мысли

в голове просто сидела и наслаждалась.

– Доброе утро!

Катя резко повернула голову в сторону. Максим не спеша шёл по двору, рядом бежала Ханька.

– Приветик!

Подбежавшая ближе Хани, радостно виляя хвостиком, упёрлась лапами о Катину грудь, стараясь лизнуть ей лицо.

– Ну что, пошли? – скомандовал Максим. – Я посмотрю, как нога, и может, даже сниму некоторые швы.

– Что, уже? А если порез разойдётся?

– Не переживай, я знаю, что делаю. Доверься мне.

Ни в коем случае, – подумала Катя, – мужикам вообще нельзя доверять.

– Ну, пошли, только помоги мне встать.

Максим помог ей подняться, потом вдруг резко подхватил на руки. И понёс в дом. Кате ничего не оставалось, как обхватить его за шею руками, чтобы было удобней.

– Что тут у нас? – Максим осторожно размотал бинт и стал исследовать рану. – Ты знаешь, Катерина, я, пожалуй, все швы сниму. Очень хорошо всё заживает, отёк сошел, кожа чистая, так что всё отлично.

– А я потом смогу на рыбалку пойти?

– А оно тебе надо – на одной ноге? Нет, я не против, просто как ты рыбу вытаскивать будешь?

– Ну, я думала, ты мне поможешь, со мной пойдёшь.

– А я хотел тебе помочь засолки на зиму сделать.

– Так мы успеем, я же на вечернюю хотела пойти.

– Ладно, договорились.

– Я хотела вот что спросить, – Катя потупила взгляд: – а с чего ты взял, что это жена тебя убрать хочет? А вдруг это пациент, какой-нибудь недовольный? Вдруг ты обидел кого? Просто насколько мне известно, бабы мало отличаются подлостью, в основном они коварны. А вот подлость, даже иногда изошрённая, больше в мужском стиле.

– Я смотрю, ты прям профессор психологии. Или даже доктор наук по этой теме. Ты случайно диссертацию не по этой теме защищала?

– Конечно, можешь стебаться, сколько влезет, просто это мой жизненный опыт. Другого не имеется. И плюс огромная интуиция. Я тебе могу обрисовать всё, как было, если, конечно, ты мне кое-что расскажешь.

– Например?

– Ну, некоторые детали из своей жизни. Тогда я смогу собрать всю картину. А если увидеть всю картину, то можно понять, как дальше действовать.

– Ладно, профессор, давай попробуем! Мне даже интересно, что из этого выйдет.

Катя и не заметила, что пока они болтали, Максим снял швы, обработал рану и сделал перевязку. Потом они позавтракали вместе, и Максим отнёс Катю на улицу, посадив её в теньк под яблоню. Катя давала ценные указания по поводу засолки. Максим принёс банки, набрал из колодца воды. На-

до отметить, что не у всех жителей этой вымирающей деревни были свои колодцы. Но здесь он был и даже сохранился. Катя мыла овощи в тазу, рядом Максим мыл банки. За этим занятием их и застала тётя Шура.

– А я думаю, чего они там делают? Ну, здравствуйте вашему дому!

– О, заходи, тётя Шур! Привет, дорогая! Как ты там? Чем занимаешься?

– Ну как чем? Пока траву покосила, кроликов покормила, курам насыпала – вот и обед. А вы что?

– Да вот как видишь, Максим решил помочь, придется ему половину засолок отдать за работу!

Максим улыбнулся и промолчал. И тут Катерина будто в первый раз в жизни его увидела. Высокий, стройный мужчина с темными волосами, кое-где покрытыми благородной сединой, глаза карие, очень выразительные, нос прямой, брови, как нарисованные, губы полноваты, но даже они не испортили прекрасное лицо. А ничего мужик-то, – пронеслось у неё в голове. А вслух продолжила:

– Ты, тётя Шур, не хочешь с нами на вечернюю сходить?

– Можно, почему нет? Только засветло вернусь, хозяйство надо будет управить! А ты деда тоже с собой возьмешь?

– Ну да, а что нам четверым по хаткам сидеть-горевать? Всем вместе веселее же!

– Ну да, Машенька вот ушла, царствие ей небесное, – старушка перекрестилась: – а раньше-то мы с ней всегда вместе

были.

– А теперь с нами будете, вот делов-то.

– Кать, куда банки ставить чистые? – обратился Максим.

– Да на стол, переворачивай, чтоб стекали. Глянь, пожа-луйста, там вода ещё не закипела?

– Ладно, пойду я. Вы тогда за мной зайдёте.

Старушка наклонилась, набрала яблок в подол и поти-хоньку пошла домой.

Катерина начала задавать вопросы Максиму по поводу его жизни с супругой, обстоятельно спросила насчёт её воспитания, увлечений, круга общения. Как она к деньгам относилась, как она к нему относилась. Где работала. Какие подруги были. По какой причине деток не завели. Что за ха-халь, к которому она ушла. В общем, всю подноготную. Выяснила также, что Максим работал сначала в госпитале, затем в МЧС, по командировкам мотался. Потом ему это надоело, и они с товарищем открыли свой медицинский центр. В итоге он сейчас взял длительный отпуск.

Катя выслушала всё молча, а потом и говорит:

– Ну, во-первых, это не её план был тебя убрать. Это её ха-халь, скорей всего, придумал. Во-вторых, она даже, наверно, ничего не знает об этом. В-третьих, он сто процентов уверен, что у него всё получилось. В-четвёртых, можно его прижать к стенке.

– Откуда ты всё это знаешь? – с ухмылкой спросил Мак-сим.

– Оттуда! Я так думаю, что твоя жена хоть и не совсем порядочная в некотором смысле и немножко меркантильная женщина. Но в силу того что у неё наступил кризис среднего возраста, даме просто снесло крышу. Этим воспользовался очень прошаренный молодой человек и, заметь, очень жадный. Ему маловато квартирки, ему всё подавай, сам-то он фуфло на постном масле, а вот поживиться не прочь за чужой счёт. Так что она не виновата. И минимум месяца через три, как миленькая, прибежит обратно.

– Знаешь, я тебя уже бояться начинаю! Ты настолько это уверенно говоришь, словно это всё правда.

– А вот сам потом всё увидишь! Можем даже поспорить.

– И что мне дальше делать?

– Да ничего, просто живи и радуйся. Надо в первую очередь твою машину сюда притащить, а там придумаем, как дальше жить!

– О! Кого я вижу! Дедуль, ты куда пропал-то?

– Здоров, Катерина! Да вот Максим вчера телевизор купил, когда в город ездили, пришлось антенну чинить, будь она неладна. Целый день почти потратил, куда к чёрту? Шура заходила, сказала, ты всех на рыбалку собираешь? Так? Нет?

– Так, конечно, посмотри, какой день классный, да и соскучилась я уже. Сколько дней снасти сухие стоят, ты что, Тимофей Ильич?

– А как ты ковылять собираешься?

Катя улыбнулась:

– Максим поможет.

– Значит, захомутала уже?

Катя посмотрела на деда недобрый взглядом.

– Да шучу я, шучу! Что ты, как кобра, сразу в стойку?! Я вот что предлагаю: у меня же тачка есть, мы тебя туда посадим вместе со снастями и к речке подвезём.

Катя внезапно как брызнула смехом, аж до слёз:

– Я представляю! А кто тачку катить будет? Максим или тётя Шура? Ха-ха-ха, ой, не могу!

– Конечно, я покачу, – Максим тоже заулыбался. Уж что-что, а женщин в тачках на рыбалку он ещё точно не возил.

– Ну ладно, пойду я тогда снасти готовить. К сколько приходить-то? – дед обратился к Кате.

– Давай к пяти, мы тут уже скоро заканчиваем, как раз потом подойдешь.

Дед скрылся из виду. Катя, раскладывая овощи по банкам, начала интересоваться:

– А что это вы мне вчера про телевизор не сказали?

– Да это не так уж и важно.

– Ну не скажи, мы тут вообще ничего не знаем, что в мире творится. У меня сломались и радио, и телевизор. У деда отродясь его не было. Тётя Шура – единственный источник, у неё вот и радио есть, и телевизор. Но она их включает раз в полгода. Говорит, лучше ничего не знать – так спокойней. А я, когда в соседнее село с дедом езжу, газеты иногда поку-

паю, чтоб совсем не отстать.

– Да, интересно вы живёте. Кстати, а на какие средства вы тут существуете?

– Ну как? Рыбу ловим, солим, коптим потом на продажу. Также грибы, сухофрукты, засолки, я зимой вещи всякие вяжу. В общем, потихоньку живём – не роскошно, но на хлеб хватает. Старикам ещё пенсию берут. Зимой на снегоходе, и продукты кое-какие заодно. Кстати, надо в органы сообщить, чтоб на бабу Машу уже не привозили.

– Они знают, дед уже заходил к ним и к участковому вчера. А я смотрю, телефон у вас здесь тоже не работает?

– Почти. Вон видишь, – Катя подняла руку и показала в сторону. – Там есть пригорок небольшой, вот с него берёт. У нас тоже есть телефоны, только звонить некому, – слукавила Катерина.

К пяти, как договаривались, пришёл дед Тимофей. Отворил деревянные ворота и демонстративно въез аллюминевую тачку на резиновом ходу. Максим сразу засуетился, начал собираться.

– Ну что, вы готовы? Дед присел на порожки и закурил.

– Да мы только закончили! И собираться нам две секунды. Максим! – Катя позвала мужчину. – Возьми подушку там на диване. А ты, Тимофей Ильич, снасти мои притащи, пожалуйста.

Дед докурил сигарету и пошёл в дом.

Когда они почти уже собрались, Катя попросила Максима

отнести её в дом переодеться и ему посоветовала тоже что-нибудь накинуть, потому что вечером около реки становилось прохладно.

– Да ладно, не замёрзну, если что, костер разведём.

И вот весь караван двинулся в путь. Катя, восседая на подушке в тачке, как на троне, свесив ноги. Максим, как рикша, везя свою госпожу, следом дед с садками в руках и рюкзаком за плечами и Хани, бежавшая рядом.

– Ну и куда мы едем, принцесса? На ваше место с дедом? – крикнула тётя Шура навстречу приближающейся толпе.

– Да, тётя Шур, пойдём туда. Ты поешь что-нибудь взяла?

– А вы что, голодные?

– Да мы как-то забыли перекусить.

– Тогда идите, я сейчас соберу и подойду позже.

Подходя ближе, Максим начал вспоминать, как ещё пацаном он бегал здесь, играя в войнушку с другими детьми, как они рыли окопы и рисовали карты. А штаб располагался в старом сарае бабки Дарьи.

Да как же это было давно, как будто всё это было в прошлой жизни.

– Выгружайся, – скомандовал дед. – Ты где сядешь, Кать?

– Да на своём месте, в прошлый раз у меня тут крупняк ушёл.

Сидя уже на скамейке, Катерина ловкими движениями быстро собрала две удочки, положила возле себя и позвала Максима.

– Выбери, какой будешь ловить: донкой или на поплавок?

– Да я не особо рыбак, я так, иногда...

– Тогда смотри, я донку закину, но следить сам будешь!

Катерина быстро налепила прикормки на пружину, надела крупных червей на два крючка, с силой размахнулась и закинула наживку в воду. Немного намотав лески обратно, убедившись, что она не провисает, Катя отложила удочку в сторону.

– А теперь воткни вон туда штырь и положи на него удочку, там в рюкзаке возьми колокольчик и одень его на леску.

Пока Максим выполнял её поручения, она намотала болтушки на крючки и закинула в воду.

Через некоторое время началась поклёвка, поплавок еле заметно колыхался на воде, потом плавно, то опускаясь в воду, то, наоборот, поднимаясь вверх, точно давал понять, что кто-то там есть. Катерина была очень сосредоточена. Максим смотрел на неё и понимал, что никогда ещё не видел таких женщин. Она была словно хищная кошка перед прыжком на антилопу. Глаза её сверкали каким-то необычным светом.

Поплавок плавно и даже как-то красиво лёг на воду. Катя резко подсекла, не вынимая лески из воды, и только потом, убедившись, что рыба на крючке стала аккуратно тащить. Дед сидел поодаль и наблюдал за всей этой картиной.

– О-о... – с почином, Катя! – за спиной послышался голос

старушки. – Давай пожарим, прям сейчас.

– Не сейчас, не надо, а то отвлекаться придется. Мне не хочется на еду время тратить, лучше дома. А сейчас просто кусок хлеба с салом подойдет.

– А я бы очень хотел ухи поесть! – сказал Максим.

– Можно и ухи! – тётя Шура расстелила на песке покрывало и уселась поудобней рядом с Катей, чтобы подавать ей еду. – Вот сейчас рыбки наловите, и уха будет и всё будет!

– Принимай, Максим! – Катя вытащила хорошего карася. – Этого на жарёху отправим! – она отцепила рыбину и кинула в сторону Максима.

Катя только успевала закидывать наживку, клёв был умопомрачительный. Дед тоже только успевал вытаскивать то леща, то плотву. Всю эту гонку внезапно нарушил звон колокольчика. Катя резко повернулась в сторону, колокольчик затрясся ещё раз, леска опустилась в воду.

– Максим, подсекай! – крикнула Катерина.

Максим схватил удочку, слегка рванул на себя. Катя увидела, что удочка согнулась дугой:

– Ослабь фиксатор! Наматывай потихоньку! Дед, неси подсак!

Ханька стала бегать по берегу, заливаясь лаем.

– А где фиксатор?

Максим двумя руками вцепился в удочку. Было видно, как она трясётся от рывков огромной рыбы. Катя кинула свою удочку тёте Шуре, соскочила со стула на землю и боком

по-пластунски быстро подползла к Максиму:

– Давай сюда! – скомандовала она.

Одной рукой держа удочку, упирая её себе в пояс, другой рукой сверху на катушке стала ослаблять фиксатор. Катушка затрещала, и леска плавно со скоростью стала уходить под воду. Дед с подсачником уже стоял сзади. Катя, сидя на песке, поняла, что рыбина большая и сил с ней бороться у неё не хватит.

– На! Дед, тщи! Она передала эстафету деду и легла на песок. Тимофей Ильич минут пятнадцать морил рыбу. Потом, уже подводя её к берегу, когда стала видна морда этого «кабана», скомандовал:

– Максим, лезь в воду и бери его за рот, только аккуратно, не порежься о зубы!

– Нет, лучше ты сам как-нибудь!

Дед отдал ему удочку, спустился к воде и через несколько минут уже тащил сома на берег. Максим тоже спустился, чтобы ему помочь. Тётя Шура сидела и просто смотрела на происходящее.

– Теперь можно идти домой. Или надо место менять, – отметила Катерина.

– Почему? – Максим, запыхавшись, поднялся по склону вверх с рыбиной в руках. Глаза его блестели, руки тряслись. Но виду он не подавал, что рад до безумия.

– Потому что этот «кабан» всех распугал и теперь клёва не будет.

– Зато котлет нажарим, ухи наварим! Эх, молодец, Максим, такого красавца поймал! – защебетала старушка.

Дед тем временем уже отправился собирать снасти.

– Ну тогда пошли! – сказал Максим.

Они дружно собрались и потихоньку двинулись до дому.

Катя сидела на своём «троне», удерживая на коленях рыби-ну: хвост сома свисал почти к самой земле, то и дело на кочках бился о тележку. Ханька бежала рядом и всё время хотела его цапнуть.

Подходя к дому тёти Шуры, договорились, что она как управится, так сразу придет к Кате.

Мужики чистили рыбу, Хани лежала на траве, ловя каких-то козявок, Катерина следила за костром, сидя на скамейке и вытянув больную ногу вперед.

Да... Как Максу помочь? – мысленно Катя задала самой себе вопрос. И с дедом надо потолковать, он же ждёт. А мы с ним никак не можем наедине остаться, – подгребая палкой угольки обратно в костер, – задумалась Катерина. Голос тёти Шуры быстро вывел её из «астрала».

– Ну и что сидим? Кого ждём? Где котелок-то?

– В прихожей лежит. И тренога там же. Ты сразу и сетку прихвати, пожалуйста, рыбку потом на углях запечем.

– Ладно.

Старушка повернулась и пошла к дому.

Уха удалась на славу, наваристая с запахом дымка. Свежие травы с огорода придавали бульону особый аромат,

а про мясо и говорить-то нечего. Тут же подоспела и запёчённая рыбка, её золотистая корочка так и манила к себе. Под этот ужин грех было не выпить, опрокинули по стаканчику, раз, другой, и вот уже все сытые и довольные сидели просто молча. Ханька тоже, набив пузо, лежала, не шелохнувшись.

Где-то в траве пели свои песни сверчки, воздух, упоенный ароматом яблок и трав, действовал, как снотворное.

– Пошли, мужики, прибраться надо, да и чайку сейчас попьём, а то, я смотрю, вы сейчас все уснёте!

Тётя Шура встала и начала собирать посуду. Мужчины лениво вылезли из-за стола и поплелись помогать.

– Котелок оставь на земле, пусть остывает, потом на стол поставим, завтра позавтракаем. Кать, ты случаем варенье с яблок не варила еще? – обратилась старушка.

– Варила немного, там, на полке посмотри при входе.

Чаёк был как нельзя кстати. На столе лежали конфетки, которые накануне привёз Максим, мёд с дедовой пасеки, варенье из яблок.

– Знаете, что я вам хочу сказать? – начал Максим. – Вы живёте в раю. Вы не прозябаете, не крутитесь день и ночь, решая проблемы, не спешите никуда, вы просто действительно живёте, и я вам очень завидую.

– А что завидовать? Переезжай в наш рай да живи, кто тебе не дает? Вон Катюха приехала на месяц, а уже третий год хрен выгонишь! – засмеялся дед. – Как прилипла, всё одно.

– Да, кстати, а как ты сюда попала? – спросил Максим.

– Это не важно.

Катя сидела, облокотившись о дерево, и смотрела на затухающие угольки костра. Она очень не любила об этом вспоминать, тем более, говорить.

– Ну ладно, если не хочешь говорить, то не надо.

– Тихо! – Дед вскочил со своего места. – Тихо, я сказал!

Все замерли. Дед опрометью помчался в конец огорода.

– И что это было? – обратился Максим к женщинам.

– Да у него бывают иногда заходы. А так-то он нормальный.

Через минуту послышался звук едущей машины.

Катя и тётя Шура не на шутку испугались. Не любили они ночных гостей. Максим быстро взял Катю на руки и быстрыми шагами направился к дому, старушка следом тоже поторапливалась. Мужчина посадил Катерину на скамейку около окна, тётя Шура села рядом.

– Сидите тихо, свет ни включайте. Максим вышел на улицу. Из-за поворота появился свет фар, направленный прямо в окно дома, где сидели женщины. Машина подъехала ко двору, двигатель заглох. Было слышно, как дверь машины захлопнули. Раздались громкие мужские голоса.

– Тихо! Дед! Свои! Не стреляй, пожалуйста! Это мой друг! Тимофей Ильич! – Максим кричал и упрашивал, что есть силы.

– Отойди от машины, я сказал! И подними руки! Быстро,

я сказал!

Было понятно, что дед стоит напротив дома. Тётя Шура поняла, что деда заклинило. Она отворила створки окошка и высунула голову на улицу:

– Тимофей, миленький! Это свои! Видишь, он без оружия! Сам подойди, проверь! А хочешь, я его к тебе подведу. Не стреляй, родненький, всё хорошо, мой хороший, всё хорошо!

Тётя Шура включила свет и скрылась за дверью. Катя сидела, как вкопанная, около открытого окна. Через некоторое время Катя увидела, как дед, держа карабин на прицеле, подходит к дому. Навстречу ему шла тётя Шура и какой-то коренастый мужик с поднятыми руками. Дед опустил оружие, затем мужик через минуту опустил руки.

Ай, да дед! – подумала Катя. – Вот тебе и дурачок.

Дверь внезапно открылась, и в комнату вошёл Максим, следом за ним шёл незнакомец.

– Вы тут так всех гостей встречаете? – непонятно к кому обратился мужик.

– Только незваных, шляющихся по ночам, – огрызнулась Катя и обратилась к Максиму: – Дай мне костыль, пожалуйста.

Катя, прихрамывая и операясь о деревяшку, пошла к выходу. На улице стояли старики. Тётя Шура плакала, положив голову деду на плечо, дед успокаивал её, держа в одной руке карабин, другой глядя старушку по седой голове.

– Ладно, хватит, пошли стресс снимем! Там ещё рыбка запеченная осталась? – обратилась к ним Катерина. – Гостя надо покормить, с дороги всё-таки человек.

Тётя Шура вытерла слёзы и пошла за котелком.

– Я тогда отойду. Вы тут без меня управитесь? – спросил Тимофей Ильич.

– Конечно, иди, и ствол свой спрячь.

Катерина опустилась на порожки и закурила сигарету.

Из дома вышел Максим с товарищем.

– Да мы сами стол накроем! Александра Степановна! Вы не беспокойтесь, идите с Катей посидите, спасительница вы наша! – радостным голосом обратился Максим к тётке Шуре.

Через полчаса все, кроме деда, сидели за столом. Катя пила чай, тётя Шура смаковала поджаренную рыбку. Гость и Максим хлебали уху. Катя стала волноваться: что-то долго дед не шёл.

– Максим, ты ходил бы к деду, а то долго его нету!

– Да, сынок, сходи! – подхватила тётя Шура.

Только они вспомнили, как тут же в прихожей послышались шаги.

– Ну, слава тебе, Господи! – старушка осенила себя крёстным знаменем.

Дед зашёл угрюмый и молча сел на диван.

Катя давно не видала его таким. Седые короткие и редкие волосы, на которых, будто обруч, оставляла отпечаток кепка. Такие же выцветшие брови, нос с горбинкой, лицо худое

в морщинах, и уставшие тёмно-серые глаза.

– Садитесь с нами! – обратился к деду мужик, вставая и предлагая свою скамейку. – Вы не печальтесь, я вас понимаю, я бы сам так поступил. Просто я заблудился в ваших зарослях и поэтому только к ночи припёрся, а так я давно выехал, ещё в обед. Да и телефон у вас не работает, я обзвонился, пока дорогу искал.

Сразу было видно, что мужчина добродушный и не наглый. Смуглый, с карими глазами, с черными, как смоль, волосами, плотного телосложения.

– Ну и ладненько! – дед сразу изменился в лице, взял другую скамейку и подсел к ним. – Тогда наливай за знакомство!

– Меня зовут Илья, а вас, я слышал, Тимофей Ильич? Будем знакомы, почти тёзки.

Мужики чокнулись стаканчиками, выпили по сто грамм и начали закусывать.

– Я пойду, Кать. А то уже поздно. Хочешь, пошли ко мне ночевать, пусть мужики тут сидят!

– Спасибо, моя голубушка! Ты же знаешь, я не могу на чужих кроватях спать. Пусть посидят маленько, да и пойдут к деду!

– Так у него места на троих не хватит!

– А дед у меня останется! Правда, Тимофей Ильич? – Катя посмотрела на деда. – Что скажешь?

– Останусь, дочка, что ж поделывать!

Катя сначала предложила, а потом подумала: вдруг дед

опять чудить начнёт? Всё-таки она его побаивалась. Но виду не подала.

Илья был весёлым, шутил, рассказывал всякие смешные истории, подкалывал Максима. Катя смеялась от души, покуривая сигаретку. И вот на этой ноте они и отправились к деду ночевать.

Дед расстелил себе на диване и выключил свет.

– Ты не спишь, Кать?

– Ещё нет.

– Я тут подумал, а может, тебе действительно не надо ничего рассказывать? Это всё-таки мои проблемы, я не смог выполнить завет.

Тут Катя приподняла голову, опёрлась об руку:

– Ну, знаешь, ты прям игру затеял: верю – не верю. Ты бы раньше заморачивался по этому поводу. Сказал «А», говори и «Б», иначе незачем было начинать!

Дед знал Катерину и ловко её поймал на интерес.

– Ну, так вот, я тебе говорил уже о том месте на старой заимке.

– И дальше что? Ты начинай всё сначала. Как дело было? В каком году? Всё как помнишь. Только самое главное, — предупредила Катерина: – давай без эмоций, представь, что это был сон, хоть и местами страшный.

– Хорошо, – согласился старик. – Так вот это было лет сорок назад, а может, и больше, я уже не помню, я жил в лесу, потому как отец был лесничим и отстроил после войны хо-

роший большой дом на заимке. Отец от ранений помер рано, а мамка ещё в войну померла от голода. Дом мне жалко было бросать, и я стал вместо отца лес охранять. Женился я поздно – в двадцать семь лет, так как в лес жить идти ни одна баба не хотела. А тут я Наташеньку мою нашёл, царствие ей небесное...

Дед лёжа перекрестился и продолжил:

– Я свой лес, как самого себя, знал. Каждое дерево, каждый сук на нём. И вот однажды пошёл я Наташу встречать. Дай, думаю, через лес напрямки пойду. А она за молоком в деревню ходила по тропинке. Иду, задумался что-то, и слышу, вдруг сороки трещать начали. Я остановился, стал наблюдать. Смотрю, неподалёку человек лежит лицом вниз. А они над ним трезвонят. Я потихоньку подкрался, никого больше не было, перевернул мужика-то, а он весь никакой. Лицо заросшее, весь в грязи какой-то. Из кровавой руки кость торчит. Он глаза открыл, мямлит что-то. Я ему из фляжки попить дал. Голос у него прорезался, он мне и стал говорить: «Я всё равно не жилец, но тебя очень прошу, чтобы ты исполнил мою волю последнюю. У меня в кармане адрес лежит и карта. На карте клад отмечен, это клад моего отца, он его зарыл, когда убегал. Так вот найди его и отдай моей семье. Адрес я тебе сказал уже, в кармане лежит. Если не исполнишь, значит, такова воля Бога. Я не буду препятствовать. И ещё одно...» На этом он и помер от потери крови, наверно. Не знаю. И вот это «одно» у меня из головы уже

столько лет не выходит. Я никому не стал языком ляскать. Тихо закопал его и всё. А вскорости Наташенька моя сгорела, на сносях уже была. И сгорела. Ты хоть слышишь меня?

– Да слышу, слышу, не ори. А потом-то что было?

– А потом я хотел из жизни уйти, смысла не видел. Девки меня спасли – Шура и Маша. В больницу отправили, я там год лежал. В общем, пока в себя пришёл, три года прошло. Кинулся я по этому адресу, что мужик оставил, а там нет никого. Переехали, сказали. А куда, никто не знает. Я справки наводил – ничего не вышло, как в воду канули.

– А в каком году это было?

– Где-то в семидесятых, точно не могу сказать. Не помню.

– Да, дед, задал ты мне задачку! Ну ладно, разберёмся, как-нибудь. Ну а клад-то ты нашёл, надеюсь? Смотрел, что там?

– Найти нашёл, но вытаскивать и смотреть не стал. На кой он мне? Это чужая вещь, может, и жизнь моя сломалась из-за этого: не встретил бы того человека, может, до сих пор бы с женой жил и внуков растил бы сейчас.

– А чего ты потом не женился? Кандидаток не было?

– Да были, почему нет? Просто я не мог Наталью забыть, сравнивал её с ними. И выходило, что она лучше всех была.

– Значит, идеализировал всё-таки.

– Как это понять?

– Ну, ты ей приписывал качества, которыми она, может, и не обладала. Это плод твоего воображения, понимаешь?

Иллюзия, так сказать. Когда мы кого-то теряем, то всё плохое в нём быстро забываем, и вспоминаем лишь всё хорошее. Это происходит потому, что этого человека нам не хватает, и ещё потому, что чувства сильные были. Вот ты и напридумывал, чего было и не было. Сам себя лишил другой женщины. А может, оно и к лучшему. Короче, дед, я так курить хочу после твоей истории, аж спасу нет. Включи свет, давай покурим и чайку попьем заодно.

Тимофей сидел с кружкой в руках и цедил горячий чаёк. Катерина дымила сигареткой.

– Ты вот что мне скажи, с твоими делами мы разберёмся, а насчёт Макса что скажешь?

– А что тут говорить, надо его жёнушку трясти.

– А-а-а... – протянула Катя. – Ты же не знаешь ничего!

Она вкратце обрисовала ему свою версию событий. Подкрепив тем, что Максим вроде как с ней согласен.

– Ну, тогда не знаю, надо поразмыслить. А с другой стороны, оно тебе надо? Это его жизнь и его проблемы.

– А чего ж ты тогда в мою жизнь залез? Когда я вздёрнуться хотела? Это была тоже моя жизнь и мои проблемы!

Дед задумался:

– Тогда надо просто спросить разрешения ему помочь. И если он откажется, это будет его воля.

– Ладно, дед, уже рассвет почти, давай спать! Ну их всех в баню!

С этими словами Катерина полезла на кровать и, как толь-

ко умостилась поудобней, тут же провалилась в сон.

* * *

Утро началось почти как обычно. Вернее, уже ближе к обеду. За окном гудел звук мотора от двигателя. Кто-то стучал в окно:

– Кать, ты спишь? – сквозь сон звучал голос Максима.

– Уже нет! – Катя крикнула, что есть силы.

Посмотрела на диван – деда и след простыл. Вот друг называется, взял и слинял втихую. Ну, подожди, появишься, я тебе расскажу, почём куры в Кабарде. Настроение её резко упало. В дверь кто-то постучал:

– Да! Войдите! – ответила Катерина, поднимаясь повыше на подушки.

На пороге стоял Илья, за ним следом шёл Максим.

– Вы извините, – начал мямлить гость: – просто мы вчера телефон где-то посеяли.

Катерина сидела в кровати, волосы растрёпанные, опухшие, красные глаза, ненавистная гримаса на лице. В этот момент она походила на ведьму.

– Знаете что, друзья? Я абсолютно не выспалась, и у меня очень скверное настроение. Так что не могли бы вы припереться хотя бы через часик?

– Кофейку вам сварить? – заботливо, как у ребёнка, спросил Илья.

Катя ошарашено посмотрела на него. Только её родная

сестра Аня могла вот так же легко и непринуждённо, будто рукой, снять всю её злость.

– Сварите! – чуть ли не запинаясь, ответила Катя. А потом уже более уверенней добавила: – Вы не могли бы выйти, мне нужно привести себя в порядок.

– Ну да, конечно, извините.

И мужчины, попятившись назад, вышли из комнаты.

Катя не спеша слезла с кровати. Нога почти зажала, и она спокойно встала на неё, но идти было пока больновато, поэтому она немного прихрамывала. Наконец, приведя себя в порядок, Катерина вышла на улицу. Мужчины сидели в саду под яблоней и о чём-то спорили.

– Эй, молодые люди, мне кое-кто кофе обещал!

– Да-да, я помню. – отозвался Илья. – А может, мы здесь все вместе посидим и кофейку попьем? У вас тут такая благодать, вчера я не разглядел в темноте, а сейчас прям хожу, не налюбуюсь!

– Ладно, иди, вари, что обещал! Видишь, тебя женщина ждёт! – как-то недоброжелательно напомнил Максим, подходя к Катерине и протягивая ей руку. – Как ваша нога, сударыня?

Катя посмотрела на него с улыбкой:

– Ты издеваешься?

– Нисколько, просто хотел поднять тебе настроение!

– Ну, скажем, сударь, вы сильно преуспели в этом.

И оба рассмеялись, подходя к столу.

– Ты иди, Максим, помоги своему товарищу, а то он не знает, где что лежит.

Максим повернулся и пошёл к дому. Катя потихоньку пошла к колодцу, умылась, почистила зубы. И на обратном пути нарвала свежих ягод малины.

Кофе был отменным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.